РАЗДЕЛ V. ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

Серeda Н.В.

Горожане и окружающее пространство в конце XVIII – первой половине XIX вв.

Тверской государственный университет
(Россия, Тверь)

doi: 10.18411/scienceconf-11-2021-09

Аннотация

Автор данного сообщения ставит перед собой задачу воссоздать на основе купеческих документов личного происхождения параметры городского пространства и городского образа жизни указанного периода и отношения купцов Тверской губернии к процессам урбанизации.

Ключевые слова: городское пространство, урбанизация, купечество, документы личного происхождения, экология.

Abstract

The author of the paper aims to reconstruct, on the basis of merchants' personal documents, the parameters of the urban space and the urban way of life of the considered period and the attitude of Tver province merchants to the urbanization processes.

Keywords: urban space, urbanisation, merchantry, personal documents, ecology.

Город – это система, которая развивается и по законам природы, как и по законам, присущим социальной среде обитания. Городской образ жизни – это один из способов взаимодействия человека и природной среды, а также особый стиль коммуникативных связей между людьми в процессе производства и других видов общения. Городской образ жизни, эволюционируя во времени, имел и имеет локальные варианты развития. Целью данного сообщения является воссоздание параметров городского пространства и городского образа жизни указанного периода и отношения купцов и мещан городов Тверской губернии к окружающей среде в период активной урбанизации, начавшейся в России со времени реформы местного управления Екатерины II. Эти представления не выражены в исследуемых источниках[1] личного происхождения прямо, информация о них чаще всего является латентной.

Анализ текстов свидетельствует, что жители городов данного региона много пишут о погоде и о поведении рек, протекающих по территории городов края. Это следует рассматривать как осознание ими огромной зависимости от природы. При этом члены семьи Масленниковых, в отличие от других авторов аналогичных памятников, вполне определенно прослеживают причинно-следственные связи между погодой, урожаем и ценами на продукты. В 1834 г. констатирующие записи о том, что июнь были дождлив и холоден, имеет окончание оценочного характера: "для хлебов неблагоприятен"[1. с.385], и в нем сквозит некоторая беспомощность людей перед природой. Это впечатление усиливает фраза, завершающая изложение сведений за весь год: "Сего года урожай хлебов самой бедной и цены на хлеб были высоки"[1, с.384] Записи аналогичного характера заканчивают изложение сведений за большинство лет, описанных Масленниковыми, таким образом, мы можем с уверенностью говорить о сформировавшемся у них представлении о зависимости людей, в том числе горожан, от погоды. Еще более очевидно это понимание из записей о стихийных бедствиях и их последствиях. После сообщения о летней буре 1851 г. с градом "величиной до куриного яйца" один из авторов заключает, что последствия "были страшны и опустошительны. Бурею снесены со строений крыши, опрокинуты многие крестьянские домики, сараи, гумны и продчия. Градом побита было в полях и огородах

хлеб, овощи и даже скот, находившейся в полях. Совершенно жители остались без хлеба"[1, с. 402].

Большинство купцов Тверского края занималось скупкой хлеба в осенне-зимний период с тем, чтобы отправить зерно и продукты его переработки на барках в столицу сразу, как только вскроются реки. Их интерес к погоде и природным явлениям был обусловлен осознанием зависимости результатов своей деятельности и материального положения семьи от этих факторов. Заготовленные товары складывались в непосредственной близости от берега, чрезмерный разлив рек грозил их подтоплением, а малая вода была опасна потому, что стоящие наготове в мелких каналах суда не могли выплыть в более крупные водные рукава. В дневнике Томиловых понимание авторами зависимости своего благосостояния от поведения рек, по которым эти продукты доставляли в крупные центры потребления, наиболее заметно. До 1808 г. записи о поведении Волги коротки, лаконичны и не связывают уровень воды с торговлей. В 1808 г. братья Влас и Осип Томиловы приобрели барки и стали возить хлеб в Санкт-Петербург на продажу и уже в 1809 г. в записях о реке появляются иные интонации: "Апреля 11-го река Волга тронулась, а прочистилась 14-го. Много унесло порозных барок, в том числе и нашу"[1, с.324], - констатирует Влас Томилов с горечью. Узнаем мы и детали осенней навигации этого года: "Той же осени отправился я с лотками своими в С-Петербург, которых было 3, и 4 барки остались на зимовку во Твери вместе с посторонними, которых было до 2000 в Тверце и Волге"[1, с. 324]. С весенней навигацией 1810 г. видимо не было проблем, Влас снова поплыл на своих барках в столицу, причем "в один спуск с их высочеством", принцем Ольденбургским и его беременной женой [1, с. 324]. Однако в следующем году ранняя зима застала 5 барок Томиловых в Вышнем Волочке, Этот факт отмечен в дневнике, наряду с тем, что товары пришлось выгрузить, а весной следующего года снова загружать в барки [1? 325]. В некоторые годы в ходе наводнений барки срывало с якорей, разбивало. Запись, датированная 1830 годом сообщает: "июня 26-го на реке Волге от дождей зделалось сильное прибытие воды в короткое время, так что оторвало множество сплоченных лесов, сняло с якорей мост и унесло до тверецкаго устья. Так же много сняло с якорей партикулярных и частию казенных барок, а других даже и совсем потопило суден до 30-ти"[1, с. 347].

Записи дневника жителей Торжка Масленниковых всегда отмечают уровень воды: "вешняя вода была не велика" (1834 г.), "вода вешняя средняя" (1847 г.), - поскольку и для них реки были средством доставки товаров и источником благосостояния. В их дневнике, как и в дневнике Томиловых неоднократно зафиксированы экстремальные ситуации, в частности известно, что в 1819 г, в январе у них затонула барка с хлебом на Нашкинской пристани, одному из членов большой семьи пришлось разгружать эту барку и организовывать переработку «потопшего ячменя на крупу» [1, с. 371 – 372]. В 1848 г. "весною вода была очень мала, так что барки новоторския вешняя по Тверце стояли запор"[1, с. 399]. В 1850 г. морозы стояли до 20 апреля, поэтому "были принуждены нагруженные барки стоять"[1, с. 400]. Время начала загрузки барок, в отличие от общей оценки погодных условий и уровня воды, отмечается не всегда, но все же достаточно часто. Дневник Масленниковых сообщает, что в 1852 г. "после 17 числа (апреля –Н.С.) начали барки пригонять под груз"[1, с. 402], а в 1854 г. уже 25 марта "в Торжке на реке Тверце лед сломало от теплой погоды, а очистилась Тверца ото льда 6 апреля, начали барки грузить"[1, с. 405]. Исходя из сложившегося представления, что авторы дневников отражали прежде всего события значимые, непривычные, неординарные, нарушающие привычный ход вещей, можно предположить, что в Торжке нормальным был срок загрузки барок примерно к середине апреля, а в дневнике отмечены отклонения в ту или другую сторону.

Внимание Михаила Тюльпина к поведению рек Волги и Тверцы объясняется, скорее всего, другими, чем у Масленниковых и Томиловых мотивами. « Для М.

Тюльпина водные артерии - прежде всего средство коммуникации между различными частями города. Зимой по льду и в теплое время года транспортировка с берега на берег не составляла труда, а вот в период весеннего половодья связи между различными частями города затруднялись, это создавало неудобство и вызывало раздражение Михаила. При всей скудости дневников на выражение эмоций, интонацию недовольства М. Тюльпина природными явлениями все же можно уловить. В 1821 г. он записывает: "10 апреля с обеден начала вода вливаться в канал, к полудню и мост сняли, и начался опять перевоз, и держится вода, и по мосту проезда с неделю не было"[1, с. 310]. Сетования М. Тюльпина на погоду были связаны и с тем обстоятельством, что весеннее-осеннее бездорожье не позволяло крестьянам окружающих деревень поставлять в город свежие продукты. "К празднику Рождества Христова как за открытием Волги и теплой погоды и бездорожицы никакого торга с мясами и прочими не было, а для продовольствия покупали только из здешних лавок"[1, с.313], - пишет он. Как видим, у М. Тюльпина уже сформировалось представление о том, что инфраструктура городской жизненной среды должна обеспечивать определенные потребности жителей, в том числе в средствах коммуникации и продуктах питания. И в этом своем мнении он предстает перед нами как существо хорошо адаптированное к городским условиям жизни и страдающее от неудобств, возникающих в связи с нарушением сложившихся в его сознании представлений о нормах городского образа жизни.

У каждой семьи были свои отношения с природой, но синтез представлений ряда людей (семей) позволяет судить о степени развития урбанизации в регионе и, прослеживая отношения горожан к природно-климатическим явлениям и их социальным последствиям, мы получаем один из критериев для определения уровня и качества развития урбанизационных процессов. Сетования на проблемы с продовольствием в период плохой погоды в дневниках купцов Твери и Торжка нам встретились лишь однажды, и это можно рассматривать как показатель патриархальности быта и "натуральности" хозяйственной жизни большинства горожан. Сохранение же этих свойств, в свою очередь, было обусловлено осознанием зависимости горожан от состояния погоды. Ведение приусадебного хозяйства в городе – это средство адаптации к жизненным реалиям конца XVIII–начала XIX в., в том числе к проблеме бездорожья. Неудовольствие "транспортными проблемами", возникающими в связи с погодой, следует рассматривать не только как показатель недостаточного уровня развития средств коммуникации, но и как свидетельство возросших потребностей в передвижении и коммуникативных связях между отдельными частями города, показатель наличия в сознании некоторых горожан уже сложившихся стереотипов о том, какими они должны быть в рамках населенного пункта городского типа, что само по себе является показателем определенного уровня развития урбанизации.

Исследуемые нами источники личного происхождения не дают никаких оснований считать, что их авторы осознавали существование обратной связи человека с природой и понимали возможность негативных результатов воздействия людей на природу в процессе их жизнедеятельности. Более того, текст летописи М. Тюльпина позволяет говорить, что переселение владельцев кожевенных, солодовенных и др. предприятий, неблагоприятно воздействующих на здоровье людей, в сравнительно отдаленные части города начавшееся после пожара 1763 г. и составления генерального плана застройки города вызывало недовольство горожан– владельцев этих заводов. Тюльпины производили и продавали солод и М. Тюльпин сообщает: "В начале весны отвели нам места для построения домов и заводов самые дальние, и необитаемый пустырь в близком разстоянии был, где убогий дом для погребения неисправно умерших, к самой поточине Лазури. По составлении плана назначено оными командовавшими положение, чтобы заводы воскобойные, солодовые, кожевенные

были бы в самом крайнем месте плана. По необходимости нашей и нужде (дом Тюльпиных сгорел вовремя пожара, - Н.С.) начали строиться"[1, с. 271]. Основываясь на свидетельствах этого автора, можем предположить, что и создание общего городского кладбища было встречено горожанами без энтузиазма [1, с. 271]: хоронить усопших возле приходских церквей было привычнее. Мы можем говорить, что экологическое сознание горожан в 'п' период было не развито, они не задумывались о вредных последствиях антропогенных факторов и неохотно принимали решения властей, направленные на защиту населения города от этих последствий.

Город – это совокупность объектов природных и созданных руками людей. Если проследить, какие из них упоминаются чаще, то можно получить интересные данные о сознании горожан. Лес, роща и другие географические природные объекты упоминаются крайне редко и лишь в связи со строительством церкви, поездкой туда членов царской семьи и т.д. М. Тюльпин, например, сообщает, что для строительства кладбищенской часовни священник "начал прочищать место, где был лесок небольшой" [1, с. 271]. Роща у Жолтикова монастыря упомянута в связи с осмотром войск царем в 1820 г. у М. Тюльпина [1, с. 309] и Блиновых [1, с. 244]. Чаще упоминаются воксал и сад - места массового гуляния жителей Твери, созданные руками людей или существенно благоустроенные ими, как воксал. Именно эти составляющие жизненной среды используются горожанами для отдыха, преодоления усталости и восстановления сил и здоровья. Данное обстоятельство, с одной стороны, свидетельствует, что сознание авторов дневников вполне городское, но с другой показывают, что они не воспринимают лес, рощу как объекты эстетического наслаждения или как природные богатства, являющиеся источником здоровья, что свойственно сознанию урбанистическому. Такое отношение к природе скорее можно рассматривать как показатель того, что горожане еще не успели соскучиться по общению с ней, что их быт и производственная деятельность в исследуемый период были тесно с ней связаны.

Неосознанное потребительское отношение к природе в процессе труда и других проявлений повседневной жизни особенно очевидно, оно настолько привычно и естественно, что не находит отражения на страницах дневников горожан. В противоположность этому в дневниках жителей Твери упоминаются факты запланированной и осознанной, грандиозной по размаху деятельности по изменению окружающего ландшафта и благоустройству города в начале XIX в. (устройство набережной, рытье канала и т.д.). Огромное впечатление на авторов дневников производил именно размах работ. И В. Томилов отметил факт переделки построек возле Путёвого дворца в 1809 г. в связи с приездом принца Ольденбургского, где было по его сведениям задействовано 1500 человек рабочих и до 300 лошадей [1, с. 324]. В дневнике Блиновых зафиксировано, что на строительстве канала между Тьмакой и Лазурью было задействовано не менее 600 человек русских и поляков, что "Яков Петров Барсуков подрядился копать с кубической сажени по 3 руб. 75 коп." [1, с. 240]

В изображении В. Томилова, который проводил в Санкт-Петербурге по несколько месяцев в году, процесс благоустройства города предстает как совершенно обязательный для городской среды, необходимый для развития города. Давая характеристику деятельности тех или иных городских деятелей, он, в качестве критерия оценки их заслуг, выдвигает вклад в городское благоустройство. Так, в связи с переводом губернатора Тюфяева в Вятку он отмечает, что "его проектом устроен сад против дому губернаторского, еще сделаны по Большой улице деревянные трагуары" [1, с. 354]. Сообщая о кончине краснохолмского архимандрита отца Павла В. Томилов отмечает, что "храм Мироносицкий его старанием устроен и украшен и приведен в лучшее состояние. В Желтикове он же построил святые ворота и каменную ограду вокруг саду" [1, с. 357].

Однако значение преобразований городского пространства, проводимых властями, отнюдь не всеми горожанами воспринималось как факт положительный. В памятнике, созданном М. Тюльпиным, мы можем почувствовать оттенки недовольства. Он сообщает, что с 1 мая 1810 г. "начался сбор дикого камня с проезжающих по дороге всякого звания людей, как со здешних уездных, так и с иногородних, с каждой повозки и телеги по три камня, а иногда, кто не имеет камней, отдай по 10 коп. за каждый камень. И по воде, как-то по расчислению с барки, с полубарки, с лодки, и с плотов лесных, с большого и небольшого" ^[1, с. 289]. Глухое раздражение Тюльпина по поводу сборов на благоустройство особенно удивительно, учитывая его высокую адаптацию к условиям городской жизни и сетования по поводу нарушения привычной деятельности городской инфраструктуры в условиях непогоды, о чем говорилось выше. Пользуясь благами городской цивилизации, воспринимая их как данность, он не желает участвовать в дальнейшем развитии городского пространства. В совокупности эти два обстоятельства дают нам представление о М. Тюльпине как человеке с психологией потребителя, но не создателя условий среды обитания.

1. Купеческие дневники и мемуары конца XVIII– первой половины XIX века. – М.: РОСПЭН, 2007. – 470 с.